

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Пермский государственный университет

СТАРООБРЯДЧЕСКИЙ МИР ВОЛГО-КАМЬЯ
ПРОБЛЕМЫ КОМПЛЕКСНОГО ИЗУЧЕНИЯ

Материалы научной конференции

Пермь 2001

Старообрядческий мир Волго-Камья: Проблемы комплексного
С77 изучения: Материалы научной конференции. - Пермь, 2001. - 282 с.

ISBN 5-7944-0251-2

Книга представляет собой материалы научной конференции «Старообрядческий мир Волго-Камского региона и проблемы его комплексного изучения», состоявшейся 25-26 октября 2001 г. в г.Перми. В них рассматривается широкий круг проблем, связанных с изучением традиционной старообрядческой культуры. Конференция носила междисциплинарный характер: в ней приняли участие историки, археографы, этнографы, фольклористы, лингвисты, представлявшие различные научные, образовательные и культурные учреждения. На конференции выступили представители старообрядческих общин.

Благодаря многообразию проблематики данное издание представляет интерес для специалистов и широкого круга читателей.

На обложке книги. Е.А.Чадова (справа) — одна из главных современных хранительниц верхокамской старообрядческой традиции и Е.П.Порошина (слева), которую она обучает чтению книг в д.Кулизени Сивинского района Пермской области (1999); «крестильное» полотенце часовенных старообрядцев с.Васьята Чайковского района Пермской области.

Для оформления книги использован альбом орнаментики вятского печатника Л.А.Гребнева.

Редколлегия выражает благодарность В.В.Саралеву (типография «Полицвет») за создание оригинал-макета книги.

Редакционная коллегия: Г.Н.Чагин (главный редактор), А.В.Черных, А.В.Шилов

ISBN 5-7944-0251-2

© Пермский университет, 2001
© Коллектив авторов, 2001

Л.Д.Макаров
г.Ижевск

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СТАРООБРЯДЦЕВ ВЕРХОКАМЬЯ (по археологическим материалам и этнографическим параллелям)

Погребальная обрядность современного верхокамского населения остается во многом слабоизученной. И если период второй половины I – начало II тыс. н.э. все же исследован более или менее неплохо¹, то могильники середины второй половины II тыс. н.э. остаются почти неизвестными науке. Поэтому проблемы преемственности и эволюции погребального обряда населения региона остаются невыясненными. Между тем вопросы истории верхокамского микрорегиона представляют чрезвычайный интерес в силу сложности происходивших здесь межэтнических и межконфессиональных процессов².

Переписные книги и «ревизские сказки» второй половины XVII-XVIII вв. перечисляют в южной половине Кайгородского и северной половине Глазовского уездов (Зюздинский край) жителей без указания их этнической и конфессиональной принадлежности. По сведениям Н.Н.Блинова, бывшего в первой половине 1860-х гг. священником Карсовайского прихода, северная часть последнего была заселена в основном коми-пермяками (в 1858 г. – 2493 человека, в 1863 г. – 2702) и лишь отчасти русскими (77 и 88 человек соответственно)³. Факт поразительный, если учесть, что в его время никто из жителей прихода коми-пермяцкого языка уже не знал⁴. Между тем пофамильный состав обитателей Зюздинского Верхокамья и Карсовайского прихода свидетельствует о практически полной их идентичности⁵. По изысканиям Н.Н.Блинова именно с зюздинской стороны и заселялся карсовайский край со второй половины XVIII в., а около 1780 г. в верховьях р.Варыж возникает Усть-Карсовайский (Киршатский) починок, превратившийся в 1841 г. с постройкой Сретенской церкви в с.Карсовай – центр нового прихода⁶.

В конфессиональном отношении Верхокамье, начиная, по-видимому, с конца XVI в., становится православным: коми-пермяцкое население под влиянием русских переселенцев довольно быстро втягивается в лоно церкви. Церковная реформа патриарха Никона середины XVII в. вызвала раскол

православной церкви. Удаленность рассматриваемой территории от церковных центров способствовала сохранению дореформенных традиций – большинство населения, таким образом, в той или иной степени, оказалось старообрядческим. Закреплению здесь влияния «старой веры» во многом содействовала и деятельность бежавших от преследований в глухие леса старообрядцев-поморцев, осевших в скитах в конце XVII – начале XVIII в.⁷, но в массовом масштабе оказавшихся в Верхокамье с начала XVIII в.⁸ Вслед за расселением русских и обрусевших пермяков в верхокамско-чепецком междуречье в первой половине XIX в. появляются и «расколоучители», активно и весьма умело вербовавшие своих сторонников из числа «никониан». Каково же было соотношение староверов и «никониан»? Статистические данные об этом мне неизвестны. Есть лишь некоторые прикидки. Так, глазовский протоиерей М.Ф.Фармаковский сообщал, что за один только 1864 г. «расколоучитель» Илларион Егоров сумел склонить к переходу в раскол до 500 человек в Карсовайском приходе⁹. По данным Н.Н.Блинова за 1863 г., в этом приходе на 2468 «никониан» приходилось 413 старообрядцев (все из обрусевших пермяков)¹⁰. А по сведениям доктора медицины М.М.Хомякова, проводившего в 1910 г. антропологические исследования региона, около половины населения Верхокамья составляли раскольники¹¹.

Противостояние официального православия и старообрядчества неминуемо должно было коснуться и погребальной обрядности. К сожалению, старообрядческие некрополи исследованы очень слабо. В целом признаки, позволяющие отнести православные захоронения, исследованные археологически, к старообрядческим, сводятся к трем пунктам: 1) небольшая (около метра) глубина могильных ям; 2) отсутствие железных гвоздей в качестве крепежа досок гробовища; 3) наличие при покойных старообрядческих мужских и женских нательных крестов. Два первых признака – не что иное, как сохранение древнерусских православных традиций, третий подчеркивает принадлежность умерших к «старой вере» (в отличие от «никонианских» захоронений, где кресты, во-первых, не имеют половой принадлежности, а, во-вторых, они не меднолитные (что присуще староверским изделиям) и весьма заметно отличаются внешним оформлением). Некоторые другие признаки (полати над гробом в могиле, наличие вещей) связать с той или иной традицией пока затруднительно. К числу старообрядческих некрополей можно отнести Искорский могильник на одноименном городище в Чердынском районе Пермской области (раскопки В.А.Оборина 1976 и 1980 гг.), Русиновский в Афанасьевском районе Кировской области (раскопки В.А.Кананина 1977 и 1978 гг.), Благодатский в Алнашском районе Удмуртии (раскопки Т.К.Ютиной 1981 и 1982 гг.), одно погребение Михайловского могильника в г.Ижевске

(раскопки Л.Д.Макарова 1996 г.). Характерный для старообрядцев тип крестов позволяет отнести к их могильникам и Нердвинский (Карагайский район Пермской области), на котором обнаружены кремированные останки крещеных пермяков (раскопки С.Н.Коренюка)¹².

В Верхотамье к числу исследованных относится только Русиновский могильник крещеных коми-пермяков (57 погребений XVIII в., но здесь использованы данные 49 погребений за 1977 г.). Умершие (45 детей, 4 взрослых) были похоронены в могилах глубиной от 34 до 115 см, но преобладали ямы глубиной до 70 см (71,4%). Наряду с прозападной ориентацией костяков, присущей православному обряду (51%), зафиксированы также восточное (20%) и южное (4,1%) направления (ориентация отдельных умерших не определена). Отсутствие железных гвоздей в погребальных конструкциях весьма показательно. Помимо неправославной ориентации части умерших, отметим и другие пермяцкие языческие признаки: наличие 8 монет (1737-1800 гг.) в верхней (выше пояса) части покойных, единичных украшений-подвесок, бубенчиков, бус; характерных для пермяков берестяных покрытий верхней части погребальных конструкций (гробовищ). Покойные располагались вытянуто на спине со сложенными на груди руками, при 18 из них (у головы, на шее или груди) обнаружены медные, преимущественно старообрядческие кресты¹³. Известно еще 2 могильника близ с.Карсовая – Киршатский и Тарасятский, оставленные старообрядцами из числа русских и обрусевших пермяков (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) и ожидающие своего исследователя.

Важное дополнение для характеристики старообрядческого погребального обряда дают этнографические наблюдения, касающиеся погребальной конструкции, устройства могилы и надмогильного знака¹⁴. О конструкции гробовищ и могил староверов поведал мне житель д.Степаненки Кезского района Удмуртской Республики, директор школы Г.И.Бузмаков, нарисовавший и устройство домовины. Гроб делается из плах в виде ящика, все плоскости которого скрепляются лыковыми веревками длиной 1,5-2 м, продергивающимися в угловые отверстия плах, где фиксируются деревянными клинышками. В придонной части в специально прорезанные в длинных боковых плахах пазы вставляются 2 бруска, на которые укладывается жердевой накат, покрывающийся березовыми вениками с обрубленными комлями. На этот настил укладывают покойника, после церемонии прощания с которым крышку гроба, состоящую из двух плах, закрывают, затягивают веревками и фиксируют их сужающимся клином. Для того, чтобы грунт в могилу не осыпался, по ее периметру делают сруб из жердей высотой в 2 венца (эти же жерди предотвращают расползание могильного холмика). Яма копается неглубокой («по грудь») –

не более 140-150 см. После опущения гроба в могилу над ним иногда делают полати – плахи, опирающиеся на поперечные переводы, лежащие на вбитых в дно ямы кольях (именно так были устроены полати над гробом моего отца, умершего в 1996 г. в с.Карсовай). На могиле какой-либо памятник не устанавливается, делается лишь затес на соседнем дереве и отмечаются инициалы покойного (если кладбище на открытом месте – затес делается на жерди, вкопанной на могиле). Последнее я лично наблюдал на могиле родственницы, тети Домны, на Карсовайском кладбище (кстати, сруб на ее могиле был высотой в один венец). Этот обычай сооружать такие знаки на могилах связан, вероятнее всего, с преследованиями старообрядцев властями и официальной церковью: староверы отказывались погребать покойных по православному чину, считая это «незамолимым грехом», и хоронили умерших тайком, не дожидаясь трехдневного срока, нередко ночью, а чтобы священник потом не мог совершить отпевание над могилой, делали и ложные надгробия¹⁵. Впрочем, не исключены и глубинные корни этого обычая, связанные с элементами славянской языческой обрядности¹⁶. Однако лишь целенаправленные раскопки старообрядческих могильников позволят выяснить многие пока необъяснимые детали похоронной обрядности верхокамского населения.

¹ Голдина Р.Д., Кананин В.А. Средневековые памятники верховьев Камы. Свердловск, 1989. С.26-43.

² Макаров Л.Д. Славянские древности и русские поселенцы в верховьях р.Камы (постановка проблемы) // Коми-пермяки и финно-угорский мир. Кудымкар, 1997. С.158-161; Он же. Коми-пермяки и русские верхокамско-чепецкого междуречья // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Екатеринбург, 1999. С.38-39.

³ Блинов Н.Н. Описание Карсовайского прихода Глазовского уезда // ВГВ. 1864. №49.

⁴ Блинов Н.Н. Заметки о пермяках Вятской губернии // ВГВ. 1861. №44.

⁵ Барашков В.Ф. О русском говоре северной части Карсовайского района Удмуртской АССР // Уч. зап. ГГПИ. Ижевск, 1958. Вып.VII. С.73.

⁶ Блинов Н.Н. Описание Карсовайского прихода... №46; Он же. Сельскохозяйственный быт пермяков и вотяков Карсовайского прихода (Глазовского уезда) // ВГВ. 1865. №34.

⁷ Чагин Г.Н. Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI - первой половине XIX века. Пермь, 1995. С.108-111.

⁸ На путях из Земли Пермской в Сибирь: Очерки этнографии севернорусского крестьянства XVII-XX вв. М., 1989. С.286.

⁹ Шумилов Е.Ф. Старообрядцы Удмуртии // Этнокультурная история Урала XVI-XX вв. Екатеринбург, 1999. С.171-172.

¹⁰ Блинов Н.Н. Описание Карсовайского прихода... №48,49.

¹¹ Зюздинский край // Труды Общества естествоиспытателей при Императорском Казанском университете. Казань, 1911. Т.44. Вып.3. С.3.

¹² Мельничук А.Ф., Коренюк С.Н. Проблема отражения процесса христианизации населения Перми Великой в погребальных комплексах XV-XVIII вв. // Христианизация Коми края и ее роль в развитии государственности и культуры. Сыктывкар, 1996. Т. I. С.162-164.

¹³ Кананин В.А. Отчет об исследованиях в Афанасьевском районе Кировской области, проведенных летом 1977 года // Фонды Института истории и культуры народов Приуралья при УдГУ. Ф.2. Д.62. С.55-69. Рис.161-208.

¹⁴ На путях из Земли Пермской... С.292,293,296,297.

¹⁵ Там же. С.293-294.

¹⁶ Там же. С.296; Фролов А.А. Пережитки язычества в погребальной обрядности Древней Руси // Древняя Русь: пересечение традиций. М., 1997. С.296-299.